

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

ИСТОРИЯ РОССИИ В КРУГУ
«ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»
(КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ
В ТРУДАХ А. ТОЙНБИ)

Современная западная историография не дает читателям цельного представления об историческом прошлом России. Публикуемые на Западе книги и статьи по истории нашей Родины либо носят открыто пропагандистский антисоветский, антинаучный характер, либо имеют сугубо специальное назначение и освещают лишь отдельные факты и эпизоды из истории России. Немногочисленные общие курсы русской истории, как правило, не идут дальше компиляции общеизвестных фактов, не ставят своей задачей найти какую-либо закономерность в происходивших событиях и дать им научное объяснение.

На этом фоне выделяется (во всяком случае на первый взгляд) многотомный труд по всеобщей истории английского профессора Арнольда Тойнби.¹ Хотя история России (как, впрочем, и история любой другой страны) не является для А. Тойнби предметом специального исследования, однако в отличие от прагматических трудов большинства своих коллег он изображает русскую историю как некий закономерный процесс, составляющий в свою очередь одну из частей всемирного исторического процесса, также управляемого определенными законами. Законы эти, по словам А. Тойнби, выведены им «эмпирически», путем изучения истории «цивилизованного человечества» во все времена и во всех странах. Недаром огромный 12-томный труд А. Тойнби озаглавлен «Исследование истории».

Сочинение А. Тойнби, переведенное на многие языки, является в наши дни, пожалуй, самым популярным историческим трудом в странах западного мира.² И причина тут не только в том, что

¹ А. Т о у н б и е. A Study of History, vv. 1—12. London, 1935—1961.

² По мнению многих видных историков, это «самая впечатляющая историческая книга нашего времени»; см.: Н. J. М u l l e r. The Uses of the past. Oxford, 1952, p. 8.

зарубежному читателю приелась постная пища прагматической историографии и его тянет к книгам с более широким кругозором.

Сыграли роль и гигантский размах мысли английского профессора, дерзнувшего выйти за рамки традиционного европоцентризма и посвятившего сотни страниц малоизвестным неспециалистам цивилизациям, и необычная литературная форма его труда (стиль Тойнби действительно весьма своеобразен), и рекламная шумиха, созданная яростной полемикой, развернувшейся вокруг его книг. Немаловажным обстоятельством, способствовавшим популярности А. Тойнби среди определенных кругов западных стран, является их стремление использовать книги Тойнби как идеологическое оружие в борьбе против коммунизма.

Хотя сам Тойнби со свойственными ему резкими колебаниями в ответах на одни и те же вопросы то признает противоположность своих взглядов теории исторического материализма,³ то вдруг утверждает, что он не собирался «создавать диалектическую картину истории, которая должна была бы заменить коммунизм или быть противопоставленной ему»,⁴ суть его позиции говорит сама за себя. Поэтому приверженцы Тойнби, не обращая внимания на словесные экивоки, оценивают его идейную платформу с гораздо большей определенностью.

Так, например, американский историк О. Латтимэр видит главную заслугу Тойнби в том, что «его идеи представляют собой диалектическую теорию, которая может быть противопоставлена марксизму» и являются «философией, способной включить все лучшее и новое, что создано западной цивилизацией, и в то же время исключить марксизм».⁵

Итак, воинствующий антимарксизм — вот тот магнит, который притягивает к сочинениям Тойнби взоры наших идейных противников и придает ему особую ценность в их глазах. Отразилась ли эта особенность взглядов Тойнби в той картине русской истории, которая встает со страниц его трудов?

Прежде чем разобраться в этой картине, надо сказать несколько слов об историко-философской (или историософской) концепции, определяющей содержание книг Тойнби.⁶

³ Theories of history. Ed. by P. Gardiner. Glencoe, 1959, p. 312.

⁴ L'Histoire et ses interprétations. Entretiens autour de A. Toynbee sous la direction de R. Aron. Paris—La Haye, 1961, p. 33.

⁵ L'Histoire et ses interprétations, p. 30—31. Идеи Тойнби широко используются современными бонскими «остфоршерами» в качестве теоретической основы их реванистской историографии, см.: W. Paschuto, W. S a l o w. Russland und Europa. In.: Auf den Spuren der «Ostforschung». Leipzig, 1962, S. 13.

⁶ Подробное изложение и критическая оценка взглядов А. Тойнби содержится в ряде работ советских авторов: Е. А. К о с м и н с к и й. Реакционная историософия А. Тойнби. В сб.: Против фальсификации истории, М., 1959; И. С. К о н. Философский идеализм и кризис буржуазной историософской мысли. М., 1959, стр. 274—293; Ю. А. А р а б - О г л ы. Концепция исторического круговорота. В сб.: Исторический материализм и социальная

Во многих его сочинениях повторяется мысль о том, что главная задача историка — «понять историю как целое» и тем самым «открыть ее смысл и цель». Тойнби считает, что он решает эту задачу, включая в поле своего зрения историю всех известных и малоизвестных человеческих цивилизаций, от глубокой древности и до наших дней. Но несмотря на такой огромный временной и территориальный охват, не оставляющий за пределами внимания исследователя, казалось бы, ни одной исторической эпохи и ни одного уголка земного шара, цельной картины исторического процесса у Тойнби не получается. А происходит это прежде всего потому, что Тойнби категорически отказывается рассматривать историю как единый процесс развития мирового человечества со свойственными ему элементами преемственности, прогресса и т. д.⁷ Декларировав желание понять историю в ее целостном объеме, Тойнби имел в виду чисто внешние рамки исторического прошлого человечества, а не его органическое единство. Такое единство, по его мнению, не существует. Не существует поэтому и единой истории человечества.

В изображении Тойнби путь, пройденный человечеством, представляет собой механическую сумму историй отдельных «локальных цивилизаций». Каждая из этих «цивилизаций» (от шумерской и египетской до юкатанской, полинезийской, западно-христианской и др.) развивалась в пределах определенного географического пространства и включала в свою орбиту те или иные народы. Но связью с территорией и населением и ограничивается, пожалуй, материальная сторона тех «цивилизаций», о которых говорит Тойнби. Эти специфические образования, сложившиеся в разное время и в разных частях земного шара, различаются, по его мнению, прежде всего по своей духовной природе, выражающейся в культурно-религиозной сфере их жизни.⁸

Никакой преемственности между этими цивилизациями, по мнению Тойнби, нет, все они не связаны (или почти не связаны) друг с другом, и каждая из них проходит свой собственный цикл развития.⁹ Однако несмотря на специфическую сущность каждой

философия современной буржуазии, М., 1960; Э. С. Маркьян. О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; Г. Д. Чесноков. Критика взглядов А. Тойнби на классы. Научн. докл. высш. школы, Филос. науки, 1964, № 1; Ю. П. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., 1965; Г. Аслапян. Идея прогресса в буржуазной философии истории. Ереван, 1965.

⁷ «В истории нет прогресса. Это — калейдоскопическая панорама, в которой модели и цвета изменяются с каждым изменением точки зрения смотрящего» (А. Тойнби. *A Study. . .*, v. 12, p. 267).

⁸ «При определении границ цивилизации Тойнби учитывает только сферу культуры, а в экономическом и политическом плане границы сообществ не совпадают у него с границами цивилизаций» (E. Callot. *Ambiguïtés et anatomies de l'histoire et de sa philosophie*. Paris, 1962, p. 349).

⁹ В заключительном, 12-м томе «Исследования истории» Тойнби вводит понятие «цивилизаций — дочерних по отношению к другим (affiliated to

цивилизации, циклы их развития (по крайней мере до сих пор) совпадали по основным фазам. Именно в цикличности, повторяемости фаз рождения, расцвета, перелома, упадка (а для уже отмерших цивилизаций — и их гибели) Тойнби видит главную закономерность, свойственную истории.

Все цивилизации, когда бы они ни существовали, Тойнби считает «эквивалентными», равноценными, и поэтому уход со сцены одних цивилизаций и смена их другими не означает какого-либо прогресса в жизни человечества.

Понятие «прогресс» Тойнби сознательно исключает из лексикона исторической науки. Он оставляет его только для одной сферы — для религии: по мере появления новых цивилизаций человечество, по мнению Тойнби, приближается к «высшей религии», к более совершенным формам общения с богом.¹⁰ Все явления земной жизни — развитие материального производства, переход к более высоким формам социального устройства, достижения культуры — он отказывается признавать свидетельством прогрессивного развития человечества.

В этом и заключается один из главных моментов диаметральной противоположности «тойнбизма» марксизму: марксистскому учению о поступательном ходе истории Тойнби пытается противопоставить старательно подкрашенный «под науку» вариант религиозной проповеди, объявляющей «слияние с богом» главной целью всех людских поколений.¹¹ Вот в чем конечный смысл концепции Тойнби, игнорирующей реальный исторический процесс, игнорирующей смену общественных формаций и изображающего историю человечества в виде круговорота «локальных цивилизаций».

Казалось бы, выделив «локальные цивилизации» в качестве главных объектов исторического исследования, Тойнби должен был бы четко определить их число. Однако он не раз менял его: в первых 10 томах «Исследования истории» Тойнби говорит о 21 цивилизации, прошедшей все стадии положенного им цикла развития (не говоря о нескольких недоразвившихся, или «оборванных», цивилизациях), в 12-м томе речь идет уже только о 13 цивилизациях, а все остальные объявляются их «спутниками» (сателлитами).¹²

---

another)», т. е. пересматривает свое прежнее мнение об отсутствии преемственности между цивилизациями (А. Тоунбее. A Study. . ., v. 12, pp. 546—547).

¹⁰ «Духовная задача Человека состоит в том, чтобы преодолеть свой эгоцентризм и привести себя в гармонию с абсолютной духовной Реальностью, которая является подлинным центром всего в существующем мире» (там же, стр. 533).

¹¹ «С течением времени религия. . . заняла центральное место в моем мировоззрении» (А. Тоунбее. Was ich zu tun versuche. Diogenes, 1956, II, 13, S. 12).

¹² А. Тоунбее. A Study. . ., v. 12, pp. 558—561.

Одним из объектов исследования, именуемым то самостоятельной цивилизацией, то «спутником», служит для Тойнби и цивилизация, сложившаяся на территории России.

Следует иметь в виду, что Тойнби отвергает хронологический (по векам, по эпохам) и географический (по странам) принцип изложения, а рассматривает все цивилизации как одновременно существующие и поэтому располагает материал по тем фазам, которые эти цивилизации проходили, независимо от хронологических рамок той или иной фазы. Поэтому чтобы воссоздать картину русской истории, представленную в «Исследовании истории», придется собрать воедино материал, разбросанный по всем его 12 томам. Только тогда мы сможем судить о том, какое место, по мнению Тойнби, занимает Россия в кругу остальных «локальных цивилизаций».¹³

Как уже было сказано, основным признаком, отделяющим одну цивилизацию от другой, является для Тойнби не какой-либо материальный фактор, а общность культуры данной части человечества, причем характер этой культуры определяется религией, распространенной в соответствующем обществе. Таким образом, классификационная схема Тойнби строится на принципе религиозной общности, и в частности цивилизацию, существующую на территории России, он умышленно именует не «русской цивилизацией», а «русско-православным обществом», «русской ветвью православно-христианской цивилизации».¹⁴

Правда, невольно возникает вопрос: почему Тойнби в нарушение собственных классификационных принципов расчленяет страны с господством христианской религии на «западнохристианскую» и «православно-христианскую» цивилизации.¹⁵ Почему он к тому же отделяет «русское православно-христианское общество» от «православно-христианской цивилизации» вообще?¹⁶ Ведь никаких признаков, разделяющих эти «христианские цивилизации», он не указывает!

Может быть, подобное деление потребовалось Тойнби специально для того, чтобы искусственно выделить Россию из круга других европейских стран? Ведь он распространяет понятие «русско-православная цивилизация» не только на дооктябрьскую,

¹³ «В соответствии с теоретическим замыслом книги Тойнби история цивилизации дается у него фрагментарно, но историк может восстановить историю каждой цивилизации в хронологическом порядке и не в столь раздробленном виде» (E. Callot. *Ambiguités et antinomies*. . . , p. 362).

¹⁴ A. Toynbee. *A Study*. . . , v. 1, p. 264.

¹⁵ Э. С. Маркарян. О концепции локальных цивилизаций, стр. 79.

¹⁶ J. D. Clarks on. Toynbee on slavie and russian history. *Russian Rev.*, 1956, v. 15, № 3, p. 166.

но и на Советскую Россию, утверждая, что «православно-христианское общество» существует в России до сих пор, несмотря на коммунистический режим, который с 1917 г. пытается его трансформировать». ¹⁷ Об этом нарочито стирании граней между старой и новой Россией мы еще скажем далее.

Возникновение «русской ветви православно-христианской цивилизации» (так же как и появление на свет всех остальных цивилизаций) было «ответом» (response) на «вызов» (challenge) со стороны окружающей среды. Игра в «вызовы» и «ответы» — это один из тех псевдодиалектических элементов концепции Тойнби, которые так притягивают его поклонников. Используя дарвиновскую терминологию, отражавшую взаимовлияние живых существ и окружающей среды, Тойнби прилагает эти понятия к истории общества. ¹⁸

В частности, применительно к вопросу о рождении цивилизаций понятия «вызов» и «ответ» скрывают в себе представление о том, что цивилизации возникают в результате наличия специфических природных условий, постоянного давления со стороны опасных соседей или ударов извне. Кроме благоприятной географической среды (не слишком щедрой, чтобы она не лишала человека стимулов к деятельности, но и не слишком суровой), для возникновения цивилизации необходимо также наличие «творческого меньшинства» (creative minority), которое способно было бы организовать «ответ» общества на брошенный ему «вызов».

В соответствии с этими положениями своей общей схемы Тойнби изображает дело так, будто бы русская цивилизация была порождена «вызовом» со стороны лесов, дождей и морозов, более жестоких, чем те, с которыми имела дело западнохристианская цивилизация. ¹⁹ Ясно, что к подобному выводу Тойнби пришел отнюдь не «эмпирическим» путем: он просто облек в наукообразную форму бытующее на Западе обывательское представление об «ужасном русском климате», объясняющем якобы все важнейшие события русской истории вплоть до гибели «Великой армии» Наполеона и поражения гитлеровских войск под Москвой и Сталинградом. ²⁰

Столь же далекое от подлинной науки представление лежит в основе рассуждений Тойнби о «творческом меньшинстве», стоявшем у колыбели русской цивилизации. Следует напомнить, что, по мнению Тойнби, решающую роль в создании всех цивилизаций играют не народные массы (которые он пренебрежительно име-

¹⁷ A. Toynbee. A Study. . . , v. 1, p. 34; v. 2, p. 79.

¹⁸ «Идея „вызовов-и-ответов“ является ключевой в моей картине развития человечества» (там же, т. 12, стр. 254).

¹⁹ Там же, т. 1, стр. 334.

²⁰ «Русский климат является доказательством того, что русский мир это — антиевропа» (G. de Roussell. La formation de l'Europe, v. 6, Paris, 1950, p. 33).

нует «нетворческим» или «инертным» большинством), а узкая группа людей, выделяющихся из общего уровня своим «жизненным порывом» (*elan vital*). Именно благодаря их усилиям складывается духовный облик данного общества и достигает расцвета его культура. Представители этого «творческого меньшинства» создают важнейшие политические институты соответствующей цивилизации и кладут начало присущей ей религии.

Суждения Тойнби о ранней истории России свидетельствуют, что он по существу отрицает наличие в России собственных творческих сил. Во всяком случае образование Древнерусского государства он изображает делом рук иноземных пришельцев. Некритически следуя традициям «норманской теории», Тойнби пишет, что «Русское государство было основано языческими мореходами, ходившими из Скандинавии через Русь».²¹ Однако вмешательство чужеземных сил оказалось недостаточным. «Скандинавские варвары, вторгшиеся на лесистые окраины Хазарской империи в бассейне Днепра, были бы осуждены на гибель, если бы им не удалось вступить в контакт с какой-либо уже существующей крупной цивилизацией. . . Они были спасены лишь благодаря принятию ими христианства»,²² и таким образом «скандинавское государство — наследник Хазарской империи — преобразовалось в члена православно-христианского общества».²³ А поскольку христианская религия тоже была привнесена в Россию чужеземными (в данном случае греческими) элементами, на долю русского народа фактически не остается ничего существенного в создании собственной цивилизации.

Вслед за рождением (*genesis*) цивилизации наступает, по схеме Тойнби, фаза ее роста (*growth*). Сущность роста выражается не в каких-либо социальных процессах и тем более не в развитии производительных сил — эти стороны жизни общества Тойнби просто игнорирует, а в духовно-религиозном развитии данной цивилизации, в процессе которого она раскрывает свою душу. Впрочем, этой фазе истории цивилизаций Тойнби уделяет меньше всего внимания, видимо, потому, что, по его утверждению, у большинства цивилизаций период роста занимает ничтожно малое время по сравнению с многовековым процессом спада (*desintegration*) и гибели (*dissolution*).

Об истории России в период, когда она переживала рост цивилизации, мы не найдем у Тойнби буквально ни слова. Лишь из его высказываний о последующих этапах русской истории можно понять, что такой «рост» происходил, по его мнению, в X—XI вв.,

²¹ А. Тоупбее. *A Study. . .*, v. 7, 222. Ср. там же, v. 12, стр. 538: «Россия стала частью обширного Скандинавского мира в результате того, что она была открыта для торговли и в нее была внесена политическая организация бандами шведских воинов».

²² Там же, т. 8, стр. 71.

²³ Там же, т. 5, стр. 290.

когда центром социальной жизни Руси был Киев, поддерживавший разносторонние связи со странами западнохристианской цивилизации.²⁴

История этого периода начисто выпала из поля зрения Тойнби, и лишь события конца XI—начала XII в. снова привлекли его внимание. Но они в схеме Тойнби относятся уже к следующей фазе развития русской цивилизации — к ее «перелому».

Термин «перелом», или «надлом» (breakdown), — еще один «диалектический конек» Тойнби, введенный в игру для того, чтобы объяснить причину прекращения «роста» цивилизации и начала ее «разложения». «Перелом» является следствием неспособности «творческого меньшинства» ответить на очередной особо важный «вызов», вставший перед данной цивилизацией. В результате «перелома» происходит нарушение гармонии в соответствующем обществе, и хотя испытывавшая «перелом» цивилизация еще способна на кратковременные периоды блестящего подъема, однако с этого момента она неминуемо клонится к упадку. Таким образом, судьба цивилизации объясняется, казалось бы, на основе присущих ей самой процессов. Однако на деле объявление того или иного периода истории «переломным» для данной цивилизации оказывается у Тойнби настолько произвольным, что лишает его схему какой бы то ни было убедительности.

Наглядным доказательством этого является суждение Тойнби о «переломе» русской цивилизации. Он относит ее «перелом» к концу XI—началу XII в., когда «через 100 лет после крещения Руси начал падать авторитет Киева»,²⁵ а затем «православно-христианское общество на Руси» было политически расчленено на ряд отдельных государств и столицей вместо Киева стал Владимир.²⁶

Даже если внести поправку в хронологию Тойнби и отодвинуть эту дату еще на 100 лет, когда процесс феодальной раздробленности достиг апогея, вывод английского профессора о том, что с того времени русская цивилизация перевалила через наивысшую точку и склоняется к упадку, выглядит явной нелепостью.²⁷ И тем не менее Тойнби вновь и вновь возвращается к этому выводу, связывая с ним всю свою концепцию дальнейшего развития русской истории.

В результате «перелома», положившего конец «росту» русской цивилизации, она, по словам Тойнби, вступила в новую фазу,

²⁴ Там же, т. 8, стр. 400.

²⁵ Там же, т. 5, стр. 311.

²⁶ Там же, т. 3, стр. 145.

²⁷ Даже один из последователей Тойнби — Г. Муллер — поражен суждениями Тойнби о том, что в России «было только два века здорового роста (и то под властью иноземных правителей), а вся остальная русская история была лишь несчастливим, нетворческим процессом» (H. J. Muller. The Uses of the past, p. 281).

которую он называет «смутным временем» (the time of troubles).²⁸ Эта первая фаза начавшегося упадка русской цивилизации совпала по времени с периодом татарского ига.

Нападение татаро-монгольских орд и подчинение ими русских земель Тойнби рассматривает как очередную «вызов» русскому «православно-христианскому обществу». Только если в период «роста» подобные «вызовы» порождали «ответы», способствовавшие духовному развитию цивилизации, то теперь, когда русская цивилизация стала клониться к упадку, «ответы», следовавшие за «вызовом», носили уже не духовный, а политический или военный характер.

Одним из таких «военных ответов» на «вызов» татаро-монгольских кочевников явилась начавшаяся через несколько столетий экспансия царской России на Восток, «завоевание земель кочевников и замена кочевых селений оседлыми деревнями».²⁹ Но еще большее значение имел «политический ответ на военный вызов»: татаро-монгольская агрессия привела к тому, что правящие круги русского общества прибегли к заимствованию форм византийского самодержавия³⁰ и только благодаря этому создали аппарат, способный возглавить процесс возрождения национального государства.

Как видим, Тойнби, оставляя без внимания фактическую сторону борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей, ссылается на события этого времени лишь для того, чтобы подготовить читателя к усвоению распространяемого в современной буржуазной литературе взгляда о «константах» русской истории — безудержной внешнеполитической экспансии и византийском деспотизме государственной власти.³¹ Эту же линию проводит Тойнби и при освещении вопроса о создании русского централизованного (или, как он его называет, «универсального») государства.

По схеме Тойнби, вслед за «смутным временем», являющимся первой стадией процесса дезинтеграции, наступает обычно новая фаза, в ходе которой нация, выступающая в качестве главного

²⁸ Период «смутного времени» в России Тойнби датирует 1075—1475 гг. (A. Тойнби е. А. Study. . . , v. 3, p. 145). Этот интервал определен им в соответствии с его представлением о том, что «смутное время» (т. е. период с момента «перелома» до образования «универсального государства») длится обычно около 400 лет (там же, т. 12, стр. 522). Математические выкладки Тойнби приоткрывают смысл датировки им «перелома» русской цивилизации. Очевидно, Тойнби действовал в данном случае от «обратного»: поскольку образование «универсального государства» в России он относит к 1475—1478 гг., отнимая от 1475 г. 400 лет, он получил дату 1075 г.

²⁹ Там же, т. 2, стр. 156.

³⁰ Там же, т. 8, стр. 470.

³¹ Ср.: «Через всю историю России проходят три постоянных фактора: стремление отгородиться от европейской цивилизации, стремление к экспансии и тоталитарный политический режим» (E. K r a k o w s k i. Histoire de Russie. Paris, 1954, p. 405).

носителя соответствующей цивилизации, создает новое политическое тело — «универсальное государство».

Образование «универсального государства» не означает, что процесс упадка цивилизации оказался приостановленным или повернутым вспять. Даже если «универсальное государство» и переживает момент процветания, оно все равно не имеет будущего, так как цивилизация, испытавшая «перелом», не способна вернуть себе былую жизненную силу. Успехи «универсального государства» носят чисто внешний характер, и в течение всего периода его существования (а эта фаза бывает очень долгой, гораздо более долгой, чем фаза роста) они чередуются с политическими поражениями или кризисными явлениями в экономике и культуре.

Как же сложилось универсальное государство в России?

Тойнби справедливо отмечает, что не освобождение от татарского ига послужило причиной объединения русских земель, а, напротив, успехи в деле объединения сделали возможной ликвидацию господства чужеземных завоевателей.³² Но тут же, противореча самому себе, Тойнби рассматривает образование русского государства не как процесс, длившийся в течение XIV—XV в., а как единовременный акт, произошедший почти одновременно с уничтожением зависимости Руси от Золотой Орды. Он неоднократно называет датой вступления России в стадию «универсального государства» 1478 г.³³ В этом году, пишет Тойнби, в России, после объединения Москвы и Новгорода, было образовано «туземное» (indigenous) государство.³⁴ «Смутное время» русской цивилизации пришло к концу, и был учрежден *Rex Moscoviana* — особый мир, противостоящий другим современным ему цивилизациям.³⁵ Чтобы обеспечить свое существование, этот мир нуждался в самодержавном строе, и поэтому московские «эпигоны Рюрика» перестроили все свои местные институты на византийско-монархический лад.³⁶

Вопрос о связях России с византийским миром является для Тойнби одним из главных вопросов русской истории, пожалуй, даже центральным вопросом, поскольку единственная работа Тойнби, специально посвященная русской истории, носит название «Византийское наследие России».³⁷ И начинается эта работа с утверждения, будто бы Россия в течение почти целого тысячелетия была составной частью византийской цивилизации.³⁸ Она

³² А. Тоунбее. *A Study...*, v. 4, p. 119; v. 5, p. 312.

³³ Там же, т. 4, стр. 288.

³⁴ Там же, т. 7, стр. 574.

³⁵ Там же, т. 6, стр. 310.

³⁶ Там же, т. 9, стр. 16.

³⁷ А. Тоунбее. *Russia's Byzantine heritage*. Horizon, 1947, v. XVI, № 91.

³⁸ Там же, стр. 83.

носит на себе «дьявольскую печать» (mark of the beast) этой цивилизации, и важнейшие явления русской истории (выплоть до общественных течений и политических институтов XIX—XX вв.) восходят к византийскому корню. Одной из таких частей «византийского наследия» является «русский вариант византийского тоталитарного государства», сохранившийся, по утверждению Тойнби, с XIV—XV вв. до наших дней.³⁹

Так неверная оценка русского государственного строя времен Ивана III и Василия III становится основой для более широких выводов и приводит к смыканию высказываний Тойнби с антикоммунистическим шаблоном современной буржуазной печати. Впрочем, может быть, сама оценка событий пятисотлетней давности сложилась в момент одной из вспышек антикоммунистических настроений почтенного английского профессора?

Византийское влияние в России конца XV—начала XVI в. проявилось, по мнению Тойнби, не только в усвоении «тоталитарных форм» государства, но и в создании нового идеологического оружия, теории «Москва — третий Рим». Рожденная на греческой почве идея всемирной монархии, предназначенной стать оплотом «истинного христианства», попав в Россию, приобрела большое историческое значение, и «урожай ее до сих пор еще полностью не снят».⁴⁰

Тойнби упоминает о теории «Москва — третий Рим» почти во всех томах «Исследования истории». Он уточняет и варьирует оценку ее значения, приводит, демонстрируя свою «объективность», высказывания ученых, оспаривающих его взгляды,⁴¹ но неизменно возвращается к мысли о том, что московское правительство, «восприимчивая всерьез или невсерьез (may or may not have taken seriously) эту теорию», считало Россию «святой страной с особым предназначением» и предпринимало соответствующие действия.⁴²

В советской исторической литературе убедительно доказано, что теория «Москва — третий Рим» никогда не была движущей силой Московского государства.⁴³ Хотя в официальных материалах XVI в. встречаются ссылки на слова из посланий старца Филофея о «царствующем третьем Риме», но использовались эти рассуждения главным образом для борьбы с попытками папского

³⁹ «Московское политическое здание дважды — при Петре I и при Ленине — меняло свой фасад, но суть его не изменилась, и нынешний Советский Союз, так же как и Московское великое княжество XIV в., воспроизводит характерные черты средневековой Восточно-Римской империи» (А. Тойнбее. Russia's Byzantine heritage, p. 95).

⁴⁰ А. Тойнбее. A Study. . . , v. 7, p. 31.

⁴¹ В т. 7 «Исследования истории» цитируются письма Г. Сэмнера и Д. Оболенского, упрекающих Тойнби в том, что он преувеличивает значение теории «Москва — третий Рим» в русской истории (там же, стр. 578—579).

⁴² Там же, т. 12, стр. 540.

⁴³ Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 101.

престола распространить свое влияние на русские земли или включить Россию в невыгодные для нее союзы.⁴⁴ Таким образом, эта теория служила, в основном, целям церковно-религиозной политики московского самодержавия, и не случайно, что к концу XVII в., когда борьба утратила свою остроту и независимость русской церкви уже ничто не угрожало, интерес к ней падает, и она начисто выходит из употребления. Но Тойнби упорно не замечает этого и, продолжая считать теорию «Москва — третий Рим» главной «идеологической константой» русской истории,⁴⁵ умудряется обнаруживать ее существование в наши дни, утверждая, что «современные добровольные ученики Маркса проявляют себя невольными учениками Филофея».⁴⁶

Теория «Москва — третий Рим» — единственное явление русской общественной и политической жизни XV—XVI вв., которому Тойнби уделяет внимание. Вообще история России того времени интересует его лишь в узкой сфере, касающейся отношений между Россией и западной цивилизацией. А в этой сфере теория «Москва — третий Рим» заслоняет для Тойнби, как и для многих других его буржуазных коллег,⁴⁷ все остальные стороны русской общественной мысли и внешней политики, и он вновь и вновь возвращается к мысли о том, что «добровольно и сознательно приняв византийское наследство, русские переняли, среди прочего, и традиционное византийское отношение к Западу».⁴⁸

В отношениях между одновременно существующими цивилизациями Тойнби различает два возможных варианта или, как он их называет, две «противоположные психологические реакции».⁴⁹ Эти реакции он именует «ответом Герода», «геродианизмом» (Herodian answer, Herodianism) и «зелотизмом» (Zealotism), вводя термины, восходящие к истории борьбы Иудеи за освобождение от римского гнета и означающие в первом случае взаимодействие с другой цивилизацией и усвоение ее, а во втором — непримиримую вражду к ней.

По мнению Тойнби, в России до конца XV в. чередовались оба типа реакции. причем в некоторые периоды (Киев X—XII вв., Новгород X—XV вв.) контакты между Россией и Западом по-

⁴⁴ П. С. Чаев. Теория «Москва — третий Рим» в политической практике московского правительства. Истор. зап., т. 14. М., 1945, стр. 10—18.

⁴⁵ Ср.: «Теория третьего Рима — это ключ, который позволяет понять жизнь русского народа в течение нескольких столетий его истории» (E. Denisoff. Aux origines de l'église russe autocéphale. Rev. études slaves, 1947, t. 23, p. 67).

⁴⁶ А. Тойнбее. A Study. . ., v. 7, p. 39. Ср.: Н. Бердяев. Истоки и смысл коммунизма. Париж, 1955, стр. 118: «III Интернационал имеет много черт III Рима».

⁴⁷ См.: С. М. Каштанов. Об идеалистической трактовке некоторых вопросов истории русской политической мысли в зарубежной историографии. Византийский временник, т. XI. 1956, стр. 320—321.

⁴⁸ А. Тойнбее. Russia's Byzantine heritage, p. 87.

⁴⁹ А. Тойнбее. A Study. . ., v. 8, p. 589.

сили долговременный и позитивный характер.⁵⁰ Однако уже начиная с XIII в. отношения между Россией и Западной Европой ухудшаются. Первоначально виновником конфликта Тойнби считает западноевропейские страны, стремившиеся подчинить своему политическому и религиозному влиянию украинские и белорусские земли. «Эта агрессивность западных стран в XIII—XV вв. разрушила доброжелательное отношение русских к Западу».⁵¹ Но еще большую рознь между Россией и Западной Европой внесла «византизация» русского общества, и с конца XV в. «зелотизм» по отношению к западной цивилизации все более вытесняет прежнее «геродианское» доброжелательство.⁵² Соответственно изменилось и отношение к России в западных странах: русские «навлекли на себя вражду Запада, поскольку они упрямо подчеркивали свою роль как наследников иной цивилизации».⁵³ И хотя позднее временами случалось, что «геродианский вариант» снова брал верх, однако конфликт между русской и западной цивилизациями, возникший в XV в., не разрешен, по мнению Тойнби, до наших дней.

Одним из этапов развития этого конфликта Тойнби считает события русской истории XVI—XVII вв., и прежде всего войны России с Польшей и Швецией.

В соответствии с канонами современной буржуазной историографии⁵⁴ Тойнби приписывает Польше и Швеции роль одного из «пограничных районов» (one of the marches) западного мира, сдерживающих «давление» (pressure) со стороны русской православно-христианской цивилизации.⁵⁵ Вместе с тем он признает, что масштабы этого «давления» в западной литературе обычно преувеличиваются, ибо Россия гораздо чаще бывала объектом агрессии, чем источником ее.⁵⁶ В частности, серьезно «давлению» со стороны западного мира Россия подверглась в начале XVII в., когда Запад попытался насильственно подчинить ее своему влиянию.⁵⁷

Упоминая о событиях в Московском государстве начала XVII в., Тойнби говорит лишь о вторжении в Россию польских и шведских войск и об их успехах. Об организации отпора этим войскам мы не найдем у него ни слова, так же как и о сложных социальных столкновениях, сопровождавших военные действия того времени. Для Тойнби весь смысл борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией состоит в том, что «московская

⁵⁰ Там же, т. 7, стр. 222, т. 8, стр. 400.

⁵¹ Там же, стр. 403.

⁵² Там же, стр. 589.

⁵³ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 85.

⁵⁴ Europa Erbe und Aufgabe. Internationale Gelehrtenkongress. Wiesbaden, 1956, S. 17.

⁵⁵ А. Тоунбее. A Study. . ., v. 2, p. 176.

⁵⁶ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 84.

⁵⁷ А. Тоунбее. A Study. . ., v. 4, p. 90; v. 2, p. 157.

самоуверенность была уязвлена неотразимостью сил Запада» и за этим «вызовом» последовали различные по содержанию «ответы».⁵⁸ Одним из таких ответов — «зелотистским» — было движение русских старообрядцев, не желавших ни на йоту изменить старые московские обычаи, другим — «геродианским» — реформы Петра I.⁵⁹

Как видим, реакцию на события начала XVII в. Тойнби обнаруживает лишь в исторических явлениях конца века, опуская все то, что происходило в течение целого столетия, столь знаменательного для русской истории. И социальные движения, и внешнеполитическая борьба, и борьба внутрицерковная, и культурные сдвиги в русском обществе XVII в. не привлекли его внимания. Он оставляет это в стороне, ибо более серьезный анализ русской жизни XVII в. показал бы несостоятельность одной из любимых идей Тойнби — идеи о том, что петровские преобразования были непосредственно связаны с событиями начала XVII в. «Вызов Запада» — вот главная причина начавшихся в России перемен, утверждает Тойнби, никак не связывая эти перемены с процессами, происходившими в недрах самого Московского государства.

Мы увидим далее, что аналогичное объяснение Тойнби дает всем без исключения поворотным событиям русской истории. Вопреки своим декларациям о необходимости изучения каждой цивилизации исходя прежде всего из фактов ее собственной истории, он, обращаясь к материалу современных цивилизаций, ищет причины происходивших в них изменений в том или ином воздействии на них со стороны западной цивилизации, которая, таким образом, оказывается в роли вершительницы судеб всех остальных частей человечества. Эта позиция Тойнби приводит к искажению изображаемой им картины прошлого, и «исследование истории» многих цивилизаций (и в том числе русской) утрачивает объективную основу.

Субъективный подход Тойнби к русской истории особенно ярко проявился в его высказываниях, относящихся к петровской эпохе. Об этом периоде исторического прошлого нашей страны он говорит гораздо больше, чем обо всех других вместе взятых. Из тома в том он возвращается к характеристике петровского времени, настойчиво убеждая читателя, что 1689 г. — год прихода к власти Петра I — был «такой же эпохальной датой для русской истории, как и 1917 год».⁶⁰

Содержание новой эпохи, начавшейся для России при Петре I, Тойнби видит в том, что русское общество, переживавшее «период спячки» (*hibernating society*),⁶¹ нашло выход посредством приобще-

⁵⁸ Там же, т. 8, стр. 131.

⁵⁹ Там же, стр. 132.

⁶⁰ Там же, т. 12, стр. 537.

⁶¹ Там же, т. 6, стр. 310.

ния к Западу, «вестернизации» (westernization). Произошел этот перелом неожиданно: Россия продолжала бы оставаться беззащитной от давления западных сил, если бы ей не повезло и на престоле не оказался человек, «родившийся на сто лет раньше, чем его народ понял необходимость заимствований с Запада».⁶²

Тойнби не скупится на похвалы Петру I, он называет его «царем-футуристом» (futurist tsar), устремленным в будущее,⁶³ «западником», явившимся на свет за два века до того, как сам Запад стал порождать подобных людей,⁶⁴ и, наконец, сравнивает его с египетским фараоном Эхнатоном, считая, что в истории человечества не было больше случаев объединения в одном лице гениальных способностей и неограниченной власти.⁶⁵ Таким образом, Петр I превращается под пером Тойнби в фигуру почти космического масштаба, в «Магомета русской цивилизации», в одного из немногих вершителей судеб человечества. И немудрено поэтому, что преобразования в России начала XVIII в. выглядят у Тойнби личным делом, «личным подвигом» Петра I.

Тойнби отрывает эти преобразования от русской почвы, не связывает их с назревшими потребностями русского общества, утверждая, что самый замысел преобразований возник у Петра только во время его пребывания за рубежом, во время его «ухода и возвращения» в Россию. Как и все другие «творческие личности», Петр I, по мнению Тойнби, должен был оторваться от окружающей его среды, уйти в другую сферу, выносить там свои идеи и лишь затем снова «вернуться к людям», чтобы воплотить эти идеи в жизнь.⁶⁶

Применение формулы «уход и возвращение» (withdrawal-and-return) для объяснения преобразований Петра I предназначено у Тойнби не только для того, чтобы представить их делом одной «творческой личности», но и чтобы низвести значение этих реформ до уровня автоматического «ответа» России на встречу с западной цивилизацией. Для него Петр I — прежде всего «геродианская фигура», антиподом которой является «зелогская тень» Петра — царевич Алексей.⁶⁷ Единственный конфликт, присущий, по мнению Тойнби, тогдашнему русскому обществу, касался отношений России и Запада и не затрагивал сферу межклассовых отношений в стране.

Вообще представление Тойнби о социальном смысле петровских реформ оказывается очень зыбким: то он справедливо заме-

⁶² A. Toynbee. An historical approach to religion. London, 1956, p. 196.

⁶³ A. Toynbee. A Study. . ., v. 6, p. 102.

⁶⁴ Там же, т. 3, стр. 283.

⁶⁵ Там же, стр. 280.

⁶⁶ «Одна из причин социальных перемен состоит в том, что отдельные люди или группы людей уходят из своей общественной среды, пребывают вне ее и в это время возвращают нечто новое» (там же, т. 12, стр. 263).

⁶⁷ Там же, т. 8, стр. 606.

чает, что пошу политической структуры, созданной Петром I, должны были нести крестьяне,⁶⁸ то, игнорируя реальную обстановку феодально-крепостнической России начала XVIII в., утверждает, будто политика Петра I была направлена на то, чтобы «воспринять современный западный путь в его ортодоксальной буржуазной форме (middle-class form)».⁶⁹ Впрочем, все это в конце концов мало интересует нашего историка. Главным для него является вопрос о том, как изменился характер отношений России с Западом в переломный, по его мнению, период русской истории. И как раз этот вопрос остается неясным для читателя, ибо Тойнби дает на него несколько взаимоисключающих ответов.

С одной стороны, мы находим у Тойнби утверждение, что в России со времени Петра I на протяжении 200 лет осуществлялась политика превращения русского православно-христианского универсального государства в одно из рядовых государств западного мира,⁷⁰ в «сочлена современного западного сообщества».⁷¹ В результате этой политики Россия была, по словам Тойнби, принята в западное общество как «прозелит».⁷² В последнем томе своего труда он уже прямо именуется послепетровскую Россию «сателлитом западной цивилизации».⁷³

И в том же самом труде настойчиво подчеркивается, что Россия продолжает и после Петра I противостоять Западу как «один из членов незападного мира». Даже в т. 12 наряду с определением России как «сателлита» Запада говорится, что Россия начиная с XVIII в. «была единственной незападной страной, сохранившей свою независимость».⁷⁴ Несмотря на кажущуюся эволюцию взглядов Тойнби по этому вопросу, он остается по существу на позиции, изложенной им в первых томах его сочинения, где мы узнаем, что «Россия никогда не переставала быть православно-христианским обществом, хотя дважды — Петр I и Ленин — одевали ее в модную западную одежду».⁷⁵ Следовательно, тот единственный смысл, который Тойнби видел в петровских преобразованиях и ради которого он так гиперболизировал их значение, оказывается весьма сомнительным.

Если суждения Тойнби о степени влияния петровских реформ на дальнейший ход русской истории во многом противоречивы, то о ближайших последствиях реформ он судит куда определеннее. В частности, он отмечает, что реформы эти очень благоприятно отразились на судьбе русского «универсального государства»:

⁶⁸ Там же, т. 4, стр. 398.

⁶⁹ Там же, т. 8, стр. 339.

⁷⁰ Там же, стр. 133.

⁷¹ Там же, т. 7, стр. 38.

⁷² Там же, т. 1, стр. 38.

⁷³ Там же, т. 12, стр. 561.

⁷⁴ Там же, стр. 537.

⁷⁵ Там же, т. 2, стр. 79.

«первое выпрыскивание (infusion) западной цивилизации влило в тело православного христианства свежую струю». ⁷⁶ В результате «геродианской революции Петра» ⁷⁷ для «универсального государства» в России наступило время нового подъема, «бабье лето» (Indian summer), продолжавшееся до начала XIX в. ⁷⁸

Однако подобная временная стабилизация может, по мнению Тойнби, лишь приостановить, но не прервать процесс упадка цивилизации, пережившей «перелом». И одним из признаков этого упадка, одним из свидетельств утраты «жизненной силы» цивилизации является социальный распад общества, разрушение единства составляющих его частей.

История учит нас, что социальная борьба является движущей силой всех перемен, происходящих в обществе, служит главной причиной смены одних общественных форм другими. А у Тойнби классовая борьба оказывается не причиной, а следствием крушения цивилизаций, следствием тех идеальных и недоступных человеческому пониманию изменений, которые претерпевает всякая цивилизация. ⁷⁹ Поскольку для него социальный раскол является фактором упадка и разложения общества, он относит его к числу отрицательных явлений и не скрывает своего враждебного отношения ко всем проявлениям классовой борьбы со времен древности до наших дней.

Мы не найдем у Тойнби точной датировки появления в русском обществе антагонистических социальных сил. Во всяком случае из его изложения явствует, что в период «бабьего лета» империи Романовых такие силы уже существовали и давали о себе знать. Силы эти, враждебные «универсальному государству», Тойнби именует «внутренним пролетариатом» (internal proletariat).

В главе «Употребление терминов», включенной в т. 12 «Исследования истории», Тойнби указывает, что он считает пролетариатом «все те социальные элементы или группы, которые находятся в данном обществе, но не принадлежат к нему» («which is „in“ but not „of“ any given society»). ⁸⁰ Тойнби намеренно противопоставляет свое понимание этого термина марксистскому определению пролетариата: «... в моем понимании пролетариат включает множество различных людей, которые не являются пролетариями в марксистском смысле этого слова». ⁸¹

На протяжении всего «Исследования истории» Тойнби развивает мысль о том, что пролетариат не представляет собой социальной силы, присущей одному лишь капиталистическому обществу, а является вневременной категорией, появляющейся во всех ци-

⁷⁶ Там же, т. 3, стр. 19.

⁷⁷ Там же, т. 8, стр. 138.

⁷⁸ Там же, т. 6, стр. 109.

⁷⁹ Г. Д. Чесноков. Критика взглядов А. Тойнби. . . , стр. 57.

⁸⁰ А. Тоунбее. A Study. . . , v. 12, p. 306.

⁸¹ Там же.

визациях, как древних, так и современных, в период их дезинтеграции. И критерием принадлежности к пролетариату служит для него характер отношений тех или иных общественных групп с господствующими элементами данной цивилизации: пролетарий — каждый, кто отлучен от общества, наказан им (is penalized) или является неравноправным в экономическом, политическом или социальном отношении.

Будучи во всех случаях силой, враждебной «правлящему меньшинству», «внутренний пролетариат» каждой отдельной цивилизации специфичен по своему составу, ибо в формировании его принимают участие элементы, свойственные именно данной цивилизации и являющиеся непосредственными или побочными продуктами ее развития. Так, например, в России к категории «внутреннего пролетариата» Тойнби относит беглых крестьян («казаков»), политических и религиозных ссыльных, представителей нерусских цивилизаций, проживавших на территории царской империи (народы Прибалтики, Закавказья, Средней Азии), степных кочевников и «первобытные народы арктической зоны».⁸²

Эту многоликую массу сословий, лиц и народов объединяет в глазах Тойнби одна общая черта, одно общее чувство — непреодолимая враждебность к «правлящему меньшинству» и к его «универсальному государству». Враждебность эту Тойнби объясняет лишь тем, что «вестернизированный» правящий класс оказался чуждым массе населения.⁸³

Именно поэтому все выступления «внутреннего пролетариата» в России носили, по утверждению Тойнби, «зелотский» характер и были направлены против «геродианских» мероприятий государственной власти, стремившейся заимствовать более прогрессивные западные порядки.⁸⁴ Каковы бы ни были формы подобных выступлений, какой бы путь ни избрали те или иные фракции «внутреннего пролетариата» — «путь насилий» (violent way) Разина и Пугачева или «благородный путь» (gentle way) различных религиозных сект,⁸⁵ — все эти действия не выходили за рамки «зелотской» реакции. Смысл выступлений «внутреннего пролетариата» Тойнби видит не в стремлении к каким-либо реальным экономическим или социальным целям, а лишь в борьбе за выбор культурно-политической ориентации. Таким образом, «внутренний пролетариат» и «правлящее меньшинство» оказываются в конечном счете течениями, олицетворяющими в первом случае узконационалистическое и во втором — прозападное направление в русском обществе.

⁸² Там же, т. 5, стр. 103.

⁸³ Там же, т. 7, стр. 222.

⁸⁴ Там же, т. 8, стр. 613.

⁸⁵ Там же, т. 5, стр. 104.

Объясняя вражду между «пизами» и «верхами» России их принадлежностью к различным культурным сферам, Тойнби, как и многие другие буржуазные историки,⁸⁶ старается изобразить социальный кризис в русском обществе XIX—начала XX в. специфически русской чертой. Ведь тогда и русскую революцию можно представить как чисто национальное явление, оказавшееся следствием не социальной, а культурно-политической борьбы.

Важным союзником «правлящего меньшинства» в борьбе за «вестернизацию» Руси Тойнби считает интеллигенцию. По его мнению, интеллигенция — «класс чиновников связи (liaison officers), изучивших приемы вторгшейся к ним цивилизации в такой степени, чтобы приспособить их для нужд своего общества. Они превращаются в общественный слой, жизнь которого все больше расходится с местными традициями и все больше приближается к стилю вторгшейся цивилизации».⁸⁷ Именно эти специфические черты интеллигенции сделали ее главным носителем прозападных тенденций в России. Рассуждения Тойнби о русской интеллигенции отражают весьма распространенное в современной буржуазной литературе стремление противопоставить интеллигенцию трудовым массам России в качестве чужеродной и враждебной им силы. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась у американского историка Р. Пайпса, утверждающего, что «русская интеллигенция как исторический феномен и социальное явление была внутренне связана с процессом вестернизации» и «отличалась от масс народа не только своей образованностью и образом жизни, но и сознанием своего родства с западным культурным сообществом».⁸⁸ С точки зрения сторонников подобных взглядов сила русской интеллигенции состояла как раз в ее изолированности от народа, в «духовной независимости от политических и экономических интересов отдельных сословий и групп»,⁸⁹ и лишь до тех пор, пока интеллигенции удавалось сохранить свою «независимость», она оказывала активное влияние на ход русской истории.

Именно с таких позиций рассматривает Тойнби события начала XIX в., утверждая, что русская интеллигенция разошлась в это время с правящими властями в оценке потребностей страны и стремилась к тому, чтобы заимствования с Запада охватывали

---

⁸⁶ Ср., например: M. Braun. Europa in russischen Denken. Sammlung, 1950, H. 7, S. 411. — «Когда в XVIII—начале XIX в. западная культура стала социальной привилегией правящего класса, культурная граница, отделявшая раньше Россию от других стран, переместилась внутрь страны и культурное противоречие с Европой стало внутринациональной проблемой».

⁸⁷ A. Toynbee. A Study. . . , v. 5, p. 154.

⁸⁸ R. Pipes. The Historical evolution of the russian intelligentsia. Daedalus, Summer 1960, pp. 487—488.

⁸⁹ D. Tschizewskij. Russische Geistesgeschichte. II. Russland zwischen Ost und West. Hamburg, 1961, S. 49.

не только военно-техническую и культурную сферу, но и сферу политическую. Стремления эти воплотились в восстании декабристов, цель которого, по мнению Тойнби, состояла в переносе на русскую почву присущего Западу «либерального строя». Вот почему он упорно именуется декабристов «либеральными революционерами»,⁹⁰ а восстание на Сенатской площади — «либеральной революцией».⁹¹

Впрочем, понятие «либеральная революция» Тойнби придает весьма широкое значение, употребляя этот термин не только применительно к восстанию 1825 г., но и к Февральской революции 1917 г. В обоих случаях движущей силой «либеральной революции» он считает интеллигенцию, стремившуюся «построить новое государство по западному образцу». Однако, как он считает, необходимых предпосылок для этого в России не было и прежде всего не было главной опоры либерального строя — «зрелого класса буржуазии»,⁹² поэтому русские «либеральные революции» потерпели неудачу.

Как видим, Тойнби на протяжении своей книги не раз упоминает о столкновениях разнородных социальных сил в России XIX—начала XX в. Его высказывания отражают (хотя и в трансформированном, извращенном виде) сложную расстановку классов и социальных групп, которая была характерна для тогдашней России. При всей нелюбви Тойнби к социальному анализу он не мог пройти мимо этой напряженной, чреватой кризисами ситуации, ставшей, по его мнению, важнейшим симптомом распада империи Романовых, симптомом гибели русского «универсального государства», крайней датой существования которого он называет то конец XIX,⁹³ то начало XX в.⁹⁴

Однако в соответствии со своей схемой развития цивилизаций Тойнби считает это предельное обострение классовых противоречий следствием, а не причиной кризиса «универсального государства». И решающую роль в том переломе исторических судеб России, который наступил в нынешнем веке, он отводит не классовым битвам, а очередному столкновению разноименных цивилизаций. Как и при объяснении всех остальных великих исторических событий, Тойнби переносит центр тяжести из социально-экономической в культурно-политическую сферу и для истолкования событий в России в 1905—1917 гг. снова обращается к своему излюбленному мотиву борьбы России и Запада.

По мнению Тойнби, перемены в общественно-политической жизни России, и в частности все русские революции, были след-

---

⁹⁰ А. Тойнбее. A Study. . ., v. 8, p. 234.

⁹¹ Там же, стр. 551.

⁹² Там же, стр. 343.

⁹³ Там же, т. 6, стр. 327.

⁹⁴ Там же, т. 7, стр. 222.

ствием военных поражений России, следствием неудачных столкновений русской цивилизации с другими цивилизациями.⁹⁵

Это относится и к революции 1905 г., и в особенности к Октябрьской революции 1917 г., явившейся, по словам Тойнби, очередным «ответом» России на «вызов» Запада. Только потому, что полное поражение России в первой мировой войне вскрыло глубокую технико-экономическую отсталость России в сравнении с западными державами, стал, по мнению Тойнби, возможен приход к власти новой силы — большевиков, вознамерившихся сделать то, чего не могли сделать старые правители России: догнать индустриально развитые страны и значительно больше, чем раньше, приобрести Россию к достижениям западного мира.⁹⁶

Тойнби начисто игнорирует социальный смысл великого Октябрьского переворота. Даже когда он указывает, что Октябрьская революция 1917 г. явилась не только «ответом» России на «вызов» Запада, но и «вызовом» России Западу,⁹⁷ он имеет в виду чисто духовный вызов «западному либерализму» со стороны коммунистической идеологии, «сферой действия которой стала огромная „незападная“ страна».⁹⁸ Никакого классового конфликта, никакого прорыва капиталистического фронта Тойнби так и не заметил (или не захотел заметить), предпочитая оставаться в рамках своей окостенелой схемы взаимоотношений между цивилизациями.

Впрочем, анализ отношений между русской и западной цивилизациями после Октябрьской революции оказывается у Тойнби весьма сбивчивым и его рассуждения на этот счет — особенно противоречивыми.

С одной стороны, Тойнби, как уже было сказано, считает «генеральной тенденцией коммунистической революции» усиление «вестернизации» России.⁹⁹ Во многих местах своей книги он отмечает, что при коммунистическом режиме процесс «вестернизации» достиг невиданной ранее степени интенсивности.¹⁰⁰ Развивая эту мысль, Тойнби, следуя своему обычаю сближать разновременные и разнокачественные явления, именуется Советский Союз «политическим наследником империи Петра I» и утверждает, будто в СССР осуществляется тот же самый курс на учение у Запада, который был впервые проложен на рубеже XVII и XVIII вв.¹⁰¹ Поскольку основные принципы политики Советского государства были разработаны В. И. Лениным, то и Ленин в гла-

---

⁹⁵ Там же, т. 8, стр. 687.

⁹⁶ Там же, стр. 139.

⁹⁷ Там же, т. 3, стр. 200.

⁹⁸ Там же, т. 12, стр. 536.

⁹⁹ Там же, т. 7, стр. 223.

¹⁰⁰ Там же, т. 6, стр. 343; т. 3, стр. 202.

¹⁰¹ Там же, т. 8, стр. 112.

зах Тойнби — всего лишь продолжатель и «наследник Петра I»,¹⁰² стремившийся довести до конца начатую Петром «вестернизацию» страны.¹⁰³

Казалось бы, позиция Тойнби (при всей ее произвольности) определяется достаточно четко: Россия со времен Петра I и до наших дней сперва «прозелит» а затем «сателлит» западного мира, все более сближающийся с ним. Но в «Исследовании истории» и в других работах Тойнби высказывает и прямо противоположное мнение: Ленин предстает под его пером не только «наследником Петра», но и «преемником протопопа Аввакума, староверов и славянофилов»,¹⁰⁴ а Россия, вопреки ранее цитированным утверждениям самого же Тойнби, не только не стремится сблизиться с Западом, но все более отдаляется от него.

Дело в том, что, по мнению Тойнби, специфической чертой русского народа является убеждение в уникальности своего исторического предназначения, в богоизбранности России, и это убеждение русских оказывается чем-то гораздо большим, чем эгоцентрические иллюзии остальных людей и обществ,¹⁰⁵ оказывается гораздо более живучим, чем все то, что Россия восприняла от Запада.¹⁰⁶ Поэтому Россия, несмотря на все происшедшие в ней изменения, сохраняет свое духовное лицо и Советский Союз продолжает оставаться той же. . . Святой Русью, что и Московское великое княжество XIV в.¹⁰⁷

Эти рассуждения Тойнби ставят его в один ряд с теми многочисленными буржуазными историками, которые упорно именуют нашу социалистическую державу «Святой Русью», вкладывая в этот термин весьма многозначительное историсофское содержание. Необходимый «фактический материал» для подобной концепции услужливо поставляют эмигрантские литераторы. Один из них, А. В. Соловьев, спекулируя на том, что «ни одну страну, кроме Палестины и России, никогда не называли „святой“»,¹⁰⁸ утверждает, что в этом есть глубокий смысл, и приводит в своей книге целую коллекцию высказываний о «богоизбранности русского народа», извлеченную из сочинений древнерусских авторов (начиная от митрополита Иллариона) и славянофильствующих писателей XIX в. (вплоть до Вл. Соловьева).¹⁰⁹

---

¹⁰² Там же, т. 12, стр. 537.

¹⁰³ Там же, т. 3, стр. 284.

¹⁰⁴ Там же, стр. 278.

¹⁰⁵ Там же, т. 8, стр. 130.

¹⁰⁶ Там же, т. 12, стр. 541.

¹⁰⁷ А. Тоунбее. Russia's Byzantine heritage, p. 95. Ср.: «Тойнби рассматривает русскую революцию в основном как возвращение русского сознания к идее исключительного предназначения Руси» (Н. Л. Мэсон. Toynbee's approach to world politics. New Orleans, 1958, p. 37).

¹⁰⁸ A. V. Soloviev. Holy Russia. s'Gravenhage, 1959, p. 7.

¹⁰⁹ Там же, стр. 10, 54—56.

Подхватывая легенду о «Святой Руси», Тойнби придает ей более современное обличье, указывая, что идеологические формы отстаивания Россией своей национальной исключительности в XX в. существенно изменились. И когда Россия в 1917 г. внезапно сошла с пути «вестернизации» и возобновила свою вековую борьбу с Западом, она, по его словам, действовала «уже не во имя православия, а под знаменем постхристианской ереси европейского происхождения»,¹¹⁰ — так Тойнби именуется коммунизм, относя его к числу религиозных движений (!) и объявляя его чисто западной идеей, неосмысленно усвоенной и превратно истолкованной в России.

Но каков бы ни был характер господствующей в России идеологии, суть ее, как утверждает Тойнби, остается неизменной. «Русский коммунизм XX в., русское славянофильство XIX в. и русские претензии на роль вождя православного мира в XV в. являются последовательными проявлениями одного и того же убеждения»,¹¹¹ т. е. веры в исключительность исторической миссии России и в недопустимость ее сближения с Западом.

Как же могут совмещаться в рамках одной и той же цивилизации столь противоречивые тенденции — «вестернизация» и национальная замкнутость? Видимо, в этом сближении внутренне противоречивых феноменов как раз и проявляется та самая «диалектика» Тойнби, которая так нравится некоторым его американским читателям. Правда, Тойнби ставит риторический вопрос: какая тенденция — прозападная или антизападная — победит в России, но сразу же признается в своей неспособности дать на него ответ¹¹² и продолжает поочередно выдвигать на первый план то одну, то другую тенденцию.

Впрочем, даже если бы Тойнби и ответил на этот вопрос более определенно, прогноз его вряд ли имел бы научную ценность. Ведь сама проблема мнимой борьбы двух направлений в русской истории (особенно применительно к советскому периоду) сформулирована у него чисто умозрительно, без всякой связи с реальной действительностью. Весь смысл преобразований, проводимых Советской властью, Тойнби сводит то к «проявлению византийских традиций», то к «реализации вестернистских замыслов». А подлинного содержания происшедших в нашей стране колоссальных перемен как принципиально нового явления в истории он не видит. Создается даже впечатление, что он и не хочет их видеть, предпочитая выдавать их за воспроизведение (хотя бы и в обновленном варианте) процессов, уже ранее присущих русской цивилизации. В России не происходит ничего нового, убеждает читателя Тойнби,

¹¹⁰ A. Toynbee. A Study... , v. 8, p. 725.

¹¹¹ Там же, т. 12, стр. 541.

¹¹² Там же, т. 8, стр. 113. Ср. там же, т. 12, стр. 541: «В 1961 г. трудно сказать: останется ли Россия-византийским миром или станет окончательно западной».

а просто черты «восточноправославной цивилизации» под влиянием «вестернизации» приняли несколько необычный вид.

Это утверждение об отсутствии принципиальной разницы и о существовании прямой преемственности между Советским Союзом и царской Россией, утверждение, многократно повторяемое и варьируемое в книге Тойнби, является одной из основных «констант» современной буржуазной историографии.

С поразительным единодушием твердят об этом и боннский «остфоршер» В. Маркерт, обнаруживший «преемственность в развитии власти от Московского княжества XIV в. до современного Советского Союза»,¹¹³ и бельгийский реакционный историк Ж. Пиренн, писавший, что политика России с XVII в. и нынешняя политика СССР «сохраняют один и тот же характер».¹¹⁴ А американский публицист Г. Москоу прямо внушает своим читателям: «Чем дальше, тем яснее — то, что делают или пытаются делать коммунисты, пытались делать в России и раньше».¹¹⁵ Так что взгляды Тойнби на этот счет отнюдь не оригинальны.

И все же продолжая отрицать появление в России новых черт и не признавая того, что в нашей стране построено новое общество, Тойнби не может не отметить значительного усиления роли Советской страны в мировом историческом процессе. Если в первых томах «Исследования истории», написанных в 1920—1930 гг., он еще высказывал сомнения в успехе «русского эксперимента», то в томах, изданных в 1954—1961 гг., он отводит Советскому Союзу (по-прежнему именуемому «страной православно-христианской цивилизации») место в числе ведущих сил современности. Характеризуя обстановку, сложившуюся в мире после 1945 г., Тойнби констатирует, что «монополия Запада на господство в мировой политике, сохранявшаяся с 1683 г. (со времени разгрома турок под Веной), пришла к концу» и что «Россия играет теперь важную роль в определении судеб Запада».¹¹⁶

Какова же эта роль? Как может повлиять на развитие западной цивилизации изменившийся характер ее отношений с восточным соседом?

Отвечая на эти вопросы, Тойнби, как и во многих других случаях, проявляет крайнюю непоследовательность. С одной стороны, противоречия между СССР и ведущей державой Запада, США, Тойнби считает возможным рассматривать как «внутренний спор в западном обществе, открывшем свои двери для России».¹¹⁷ С другой стороны, он продолжает считать Россию «антизападным»,

¹¹³ W. M a r k e r t. *Russland und die abendlandliche Welt*. In: *Deutschland und Europa*. Dusseldorf, 1951, S. 293.

¹¹⁴ J. P i r e n n e. *Les grands Courants de l'histoire universelle*, v. 3. Neuchatel, 1948, p. 152.

¹¹⁵ H. M o s k o w. *Russia under the Czars*. N. Y., 1962, p. 149.

¹¹⁶ A. T o y n b e e. *A Study*. . . , v. 12, pp. 536—537.

¹¹⁷ Там же, т. 8, стр. 112.

«внезападным» обществом. И в заключительном, 12-м томе «Исследования истории», в специальном разделе «Место России в истории» Тойнби поворачивает дело так, что само сближение России с Западом оказывается угрозой могуществу и независимости западной цивилизации. Ибо, как он утверждает, Россия, став «сателлитом» западной цивилизации, стремится поменяться с ней ролями и занять главенствующее место, оттеснив Запад на задний план.¹¹⁸ А так как Россия явилась первой «незападной» страной, нашедшей смелость противостоять современному Западу, она стала примером для остального «незападного мира» и ее победа в состязании за выход в космос (1957 г.) была встречена всем «незападным миром» как вдохновляющее и символическое событие.¹¹⁹

Итак, современная Россия предстает в книгах Тойнби как оплот «незападных» сил, ведущих идеологическое наступление против Запада, занимающего ныне оборонительные позиции.¹²⁰ Однако разделяя все человечество на «Запад» и «остальной мир» (the West and the World), Тойнби с трудом удерживается в рамках своей историософской схемы, согласно которой противоречие между цивилизациями порождается чисто духовными факторами, теми специфическими чертами культуры, которые отличают каждую цивилизацию от других. В частности, при характеристике «Запада» он в своих последних книгах все чаще обращает внимание не столько на духовные, сколько на социально-политические черты западной цивилизации.

Типично в этом отношении замечание Тойнби о том, что современную западную цивилизацию правильнее было бы называть «буржуазной западной цивилизацией» (middle-class west civilization).¹²¹ Не менее характерен состав стран, причисляемых Тойнби к западному миру: наряду с западноевропейскими и американскими государствами он включает в этот список Турцию и Грецию (вероятно, как членов «чисто западного» союза НАТО)¹²² и исключает из него Венгрию, Чехословакию и другие социалистические страны Европы. Таким образом, границы Запада оказываются границами капиталистического мира.

Как видим, сквозь рамки концепции Тойнби прорывается подлинная картина борьбы антагонистических социальных систем, существующих ныне на земном шаре. И будучи активным сторонником одной из этих систем, Тойнби, выходя из сферы исторических исследований в сферу реальной политики, делится своими мнениями о том, какие средства могут укрепить положение капиталистического Запада и предотвратить его крах.

¹¹⁸ Там же, т. 12, стр. 539.

¹¹⁹ Там же, стр. 537.

¹²⁰ Там же, стр. 536.

¹²¹ Там же, т. 8, стр. 338.

¹²² Там же, т. 11, стр. 192—193.

Мнения эти целиком зависят от международной конъюнктуры. В период, когда США обладали монополией на атомное оружие, Тойнби призывал к крестовому походу против коммунизма, а теперь, в связи с утратой этой монополии, воинственные кличи Тойнби сменились более миролюбивыми высказываниями.¹²³

В последние годы в статьях и книгах Тойнби все чаще встречаются мысли о том, что атомная война принесет человечеству неминуемую гибель и поэтому существующие противоречия между цивилизациями должны решаться не путем военных столкновений, а мирным путем. Говоря о перспективах развития человечества, Тойнби в своих последних работах исходит из возможности дальнейшего сосуществования капиталистического Запада и коммунистического «незападного мира».

Несмотря на декларацию о бесплодности исторических прогнозов,¹²⁴ Тойнби не раз пытался заглянуть в грядущее и нарисовать картины будущего «вселенского» (экуменического) общества. По его мнению, эта новая цивилизация начнет развиваться на базе западной цивилизации, но в дальнейшем «впитает в себя все лучшее из наследия всех предшествовавших цивилизаций».¹²⁵ При этом Тойнби допускает, что в создании экуменической цивилизации примут участие и «либеральная» (т. е. буржуазная), и коммунистическая системы и «идеологическая борьба, которая сейчас (1961 г.) охватывает почти половину человечества, может стать не более чем академической проблемой в жизни экуменического общества через сто лет».¹²⁶

Так Тойнби присоединяется к позиции тех представителей современной буржуазной идеологии, которые, потеряв надежду ниспровергнуть коммунизм с помощью силы, делают ставку на «культурно-социальную интеграцию» капитализма и социализма.¹²⁷ Однако капитализм и социализм противоположны по своей социально-экономической сущности, и расчеты на их «интеграцию» обречены на провал.

Изложенная в т. 12 «Исследования истории» утопическая гипотеза Тойнби (при всей реакционности тех ее черт, которые предполагают самоупражнение коммунизма ради воображаемой гармонии экуменического общества) свидетельствует об отходе его от жесткой схемы извечного различия между цивилизациями, определяющей содержание предыдущих томов его труда. Да и глава «Место России в истории» (т. 12) далеко не во всем совпадает с разделом «Современный Запад и Россия», напечатанном

---

¹²³ Современная философия и социология в странах Западной Европы и Америки. М., 1964, стр. 280.

¹²⁴ Theories of history, p. 317.

¹²⁵ А. Тоунбее, A. Study. . . , v. 12, p. 529.

¹²⁶ Там же, стр. 546.

¹²⁷ Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс. . . , стр. 93

в т. 8. Метаморфозы, происходящие с воззрениями Тойнби, еще больше подчеркивают искусственность его историософии, и в частности антиисторичность его взглядов о развитии русской цивилизации, высказанных на протяжении «Исследования истории».

Каковы же причины того, что историческое прошлое и настоящее нашей Родины приобрело под пером английского профессора столь фантастический вид и получило такое надуманное и далекое от истины объяснение?

Во-первых, следует упомянуть об общей для реакционных современных буржуазных историков тенденции, которая связана с их антипатией к Советскому Союзу. Эта антипатия стала доминантой, определяющей их суждения не только о современной стране Советов, но и о той исторической среде, в недрах которой созрели силы, осуществившие первую в мире социалистическую революцию.¹²⁸ Находясь под властью подобных настроений, конечно, трудно (а подчас и невозможно) сохранить объективность в суждениях об историческом прошлом СССР.

Во-вторых, сама методология Тойнби исключает возможность создания реальной картины исторического процесса. Положив в основу своего труда искусственную схему, Тойнби насильно подгоняет под эту схему события русской истории. То, что у Тойнби именуется «рождением», «ростом», «переломом» и «дезинтеграцией» русского общества, не имеет ничего общего с подлинными рубежами истории нашей страны.

Руководствуясь своей порочной методологией, Тойнби отбрасывает из огромного круга исторических явлений и событий только то, что укладывается в рамки его умозрительных конструкций. А так как рамки эти весьма узки и совершенно произвольны, он не останавливается перед искажением фактов, ложной интерпретацией их и прочими приемами, направленными на то, чтобы любой ценой придать историческим событиям желательный для него вид.¹²⁹

Лишь благодаря подобному методу Тойнби удается конструировать те бесконечные параллели, которыми заполнены страницы его книги. Показалось, скажем, Тойнби, что в истории России и Японии есть какие-то совпадающие моменты, и вот на протяжении всей книги он, не считаясь ни с какими фактами, проводит на-

---

¹²⁸ С. С. Волк, А. Р. Дзенискевич. Лженаучные теории реакционной буржуазной историографии истории СССР. Вопр. истории, 1964, № 1, стр. 59.

¹²⁹ «Тойнби применяет насилие по отношению к историческим явлениям, для того чтобы они соответствовали воображаемой формуле или закону» (P. G. e u l. Toynbee's answer. Mededelingen der Nederlandse Akademie van wetenschappen, Nieuwe reeks, Deel 24, № 5, p. 5).

раллели между всеми этапами развития «русской ветви православно-христианской цивилизации» и «японской ветви дальневосточной цивилизации».

А чего стоит сравнение коммунистической партии с мусульманскими и индуистскими братствами средних веков?¹³⁰ Или сравнение Сталинградской битвы 1942 г. с отражением турецкого вторжения 1569 г., поскольку в обоих случаях «Россия отражала попытку врагов пробиться к сердцу евразийских степей»?¹³¹

Так «Исследование истории» утрачивает исследовательские черты и превращается в бесплодные поиски (или выдумки) параллелей, носящих такой фантастический характер, что даже хваленая гибкость ума их автора не в силах их оправдать.

Испытав потрясение при встрече с подобными параллелями, читатель уже менее остро реагирует на многочисленные неточности и фактические ошибки, попадающие на страницах книги Тойнби.¹³² Об этих ошибках пишут даже сторонники Тойнби, признавая, что его теории «не выдерживают проверки под микроскопом».¹³³ И хотя вслед за тем они пытаются оправдать его, указывая, что недостаток точности возмещается у Тойнби широтой и масштабностью концепций, однако мы не можем согласиться с ними, ибо каковы бы ни были масштабы теории, если она строится на непроверенных или вымышленных фактах, цена ее равна нулю.

Наконец, в-третьих, порочность «Исследования истории» объясняется специфическим кругом источников, использованных автором при работе над книгой. Конечно, нельзя требовать от Тойнби исчерпывающего знания литературы по истории всех тех народов, о которых он пишет в своем труде. Но во всяком случае ему следовало бы познакомиться с наиболее свежими и квалифицированными исследованиями в каждой из соответствующих областей. Тойнби не придерживался этого правила при изучении истории русской цивилизации.

Среди 20 книг и статей о России, упомянутых на страницах «Исследования истории», преобладают либо давно устаревшие сочинения,¹³⁴ либо архитенденциозные по своей антисоветской

¹³⁰ А. Тоунбее. A Study. . . , v. 8, p. 344.

¹³¹ Там же, стр. 225.

¹³² «При чтении высказываний Тойнби о дореволюционной России возникает впечатление, что ряд фактов ему неизвестен, а его конструкции часто бывают произвольными» (I. Neander. Russland in Toynbee's «Studie zur Weltgeschichte» Finanzarchiv. Neue Folge 1951—1952. Bd. 13, H. 2, S. 170. «Факты у Тойнби это не факты, а субъективные представления о фактах» (P. Geyl. Toynbee's answer, p. 8).

¹³³ R. Gaillouis. Vorwort zum A. Toynbee — Sonderheft. Diogenes, 1956, H. 13, S. 3).

¹³⁴ А. Брүкнер. Peter der Grosse. Berlin, 1879; D. M. Wallace. Russia. London, 1877; E. Ravenstein. The Russians on the Amur. London, 1861; C. Mettig. Die Europäisierung Russlands im 18 Jahrhundert. Gotha, 1913.

направленности творения западных буржуазных авторов¹³⁵ и русских белоэмигрантов.¹³⁶ Ни с одним исследованием, напечатанным за последние 40 лет в СССР, Тойнби не знаком, хотя многие из них переводились на известные ему языки или реферировались в зарубежных изданиях.

Естественно поэтому, что многотомный труд Тойнби не является научным вкладом в разработку вопроса о месте России в кругу других стран. Книга эта, воспроизводя ряд распространенных в буржуазной литературе штампов и мифов о русской истории, сама кладет начало новым мифам, уже подхваченным современными буржуазными историками.

Знакомясь с отражением в книге Тойнби русской истории, мы получаем представление о наиболее ходячих на Западе взглядах в данной области, уясняем их генезис, социальные и методологические корни и взаимосвязь. Тем самым мы увеличиваем возможность более прицельной и эффективной борьбы с фальсификаторами истории нашей страны и терпеливого рассеивания тех заблуждений относительно СССР, которые существуют у западных читателей и преодолению которых должны способствовать наступательные действия советской историографии.

---

¹³⁵ W. Weidlé. *La Russie absente et présente*. Paris, 1949; H. Kohn. *Dostoevsky's Nationalism*. *Journ. Hist. Ideas*, 1945, v. 6, № 4.

¹³⁶ D. Doroshenko. *History of the Ukraine*. Edmonton, 1939; N. Zernov. *Moscow the third Rome*. London, 1944; N. Berdyaev. *The Origin of Russian communism*. London, 1937; G. Fedotov. *The Russian religions mind*. Cambridge, Mass. 1946.